

Один из бородатых преподавателей, держа в руках экзаменационный свиток, в изумлении широко раскрыл глаза, даже не заметив, что сам только что издал возглас. Услышав строгий вопрос Ректора Линя, он поспешно обратился к нему с извинениями:

— Прошу прощения, господин ректор! Ваш покорный слуга читал великолепное сочинение багу и так зачитался, что не услышал ваших слов. Но когда я перевернул страницу и дошел до экзаменационного стихотворения этого ученика, то просто не смог сдержать возгласа изумления.

Ректор Линь подошел ближе:

— Что еще за сочинение багу? Что за экзаменационное стихотворение?

Он взял свиток и принялся читать.

— «Дабы постичь величие творения, должно сполна познать законы бытия. Восемь триграмм суть предел всего, и каждая вещь в мире берет начало в едином...» — внимательно дочитав до конца, Ректор Линь произнес: — Замечательный труд! Я полагал, что во всей Академии Гоцзыцзянь лишь Лю Фан осмелится пойти на риск и раскрыть тему через «закон сохранения Неба и Земли», да еще так убедительно. Кто бы мог подумать, что в Академии Гоцзыцзянь найдется еще кто-то, способный написать столь выдающуюся работу. Постойте, неужели это свиток Тан Шэня?

Преподаватель ответил:

— Да, это свиток того самого Тан Шэня, что прибыл из управы Гусу.

В зале многие преподаватели понимающе переглянулись.

— Так он ученик господина Фу. Неудивительно, что он смог написать столь прекрасную работу, талант у него действительно есть.

То, что Тан Шэнь — ученик Фу Вэя, не было секретом в Академии Гоцзыцзянь. Однако Ректор Линь знал и кое-что еще: рекомендательное письмо, по которому Тан Шэнь когда-то поступил в Академию Гоцзыцзянь, было написано вовсе не Фу Вэем, а Ван Чжэнем! Более того, Ван Чжэнь лично привел Тан Шэня в Академию Гоцзыцзянь. Отсюда следовало, что Ван Цзыфэн очень благоволит своему младшему соученику.

Ректор Линь посерьезнел и перевернул страницу экзаменационного свитка. Прежде он размышлял так: поскольку юноша приходится младшим соучеником Ван Цзыфэну и учеником Фу Сижу, а его багу написано действительно недурно, то, даже если его экзаменационное стихотворение окажется самым заурядным — лишь бы не совсем бездарным и нелепым, — он присудит Тан Шэню третье место на этой контрольной работе, чтобы сделать одолжение Ван Цзыфэну и Фу Сижу.

Однако стоило ему взглянуть на стихотворение, как глаза Ректора Линя расширились, лицо покраснело от волнения, и он долго не мог вымолвить ни слова.

Лишь спустя время, необходимое, чтобы выпить чашку чая, он трижды воскликнул:

— Великолепно! Великолепно! Великолепно! А ну-ка, взгляните все на этот шедевр!

Сгорая от любопытства, преподаватели тут же обступили стол и принялись читать. Хоть они и

были мелкими чиновниками, в первую очередь они оставались учеными книжниками. Короткое стихотворение из четырех двустиший с пятисловной строкой заставило их глаза загореться от восторга, а души наполнились трепетом.

— Высок сей терем — в целых сотню чи,

Рукой могу я звезды доставать...

— Не смею громко говорить в ночи,

Боясь людей на небе испугать!

Слово от автора:

Сосед Ван: Эх, мой младший соученик ждет меня дома с такой покорностью только тогда, когда ему от меня что-то нужно.

Юный Тан: А ты не мог бы выражаться яснее, а не темнить? Разговаривать с такими людьми — одна головная боль!

На рисовой бумаге сюаньчжи красовались безупречные иероглифы, выведенные изящным каллиграфическим почерком гуаньгэти — ровные, аккуратные и гармоничные. Однако сквозь эти строгие, выверенные строчки мелкого устава прорывалось неудержимое, героическое воодушевление. Оно выплескивалось на бумагу, бурля, словно полноводные реки и бескрайние моря, вздымаясь яростными волнами.

— Высок сей терем — в целых сотню чи,

Рукой могу я звезды доставать.

— Не смею громко говорить в ночи,

Боясь людей на небе испугать.

В зале преподаватели, проверявшие работы, без конца повторяли эти четыре короткие строчки. Ректор Линь взял свиток Тан Шэня и со всей серьезностью перечитал его еще раз, после чего вынес вердикт:

— Темой этой контрольной работы была «Ясность созвездий», предполагалось стихотворение о восхождении на гору и созерцании звезд. В стихотворении Тан Шэня нет ни единого упоминания слова «гора», однако каждая его строка дышит крутизной вершин, каждое слово таит в себе захватывающую дух вышину. Описать гору, не называя ее — превзойти саму гору! Поразительно!

Один из преподавателей добавил:

— Высота гор и бескрайняя, призрачная высь звездного неба — все уместилось в этом единственном стихотворении.

Ректор Линь внимательно перечитал стих еще трижды, и не для того, чтобы проверить Тан Шэня на наличие ошибок, а смакуя и вдумываясь в каждое из этих двадцати слов. Он с восхищением произнес:

— Давеча я утверждал, что первое место на этой контрольной работе непременно займет Лю

Фан. Теперь я вижу, что мои старые глаза затуманились, и я едва не совершил роковую ошибку. Сочинение багу Тан Шэня само по себе написано превосходно: его идея свежа, доводы убедительны, а слог изящен. А теперь, взглянув на это экзаменационное стихотворение, я вижу, что он бесспорно заслуживает первого места! Что думаете, коллеги?

— Тан Шэнь на первом месте — это заслуженно.

— Превосходно!

Тан Шэнь и подумать не мог, что на сей раз вошел бы в тройку лучших, даже если бы не списал шедевр Ли Тай-бо. Он воспользовался творением бессмертного гения поэзии лишь для того, чтобы гарантированно оказаться в тройке лидеров, но непредвиденно превзошел сам себя и занял первое место.

На следующий день после окончания утренней аудиенции во дворце Ректор Линь тихонько подошел к Фу Вэю.

— Господин Фу.

Фу Вэй обернулся и, увидев Ректора Линя, кивнул:

— Господин Линь.

Ректор Линь почтительно поклонился. Поскольку сейчас Фу Вэй занимал равный с ним пост — оба были чиновниками третьего ранга, — он ответил взаимным поклоном.

Ректор Линь заговорил:

— На вчерашней контрольной работе в Академии Гоцзыцзянь ваш выдающийся ученик, Тан Шэнь, Тан Цзинцзэ, поистине явил себя миру, заставив всех замолчать от изумления! Как говорится, у великого учителя и ученики великие. Вы, господин Фу, вырастили Ван Цзыфэна, господина Ван Цюаня, чем снискали глубочайшее уважение всех преподавателей нашей Академии Гоцзыцзянь. И вот ваш новый ученик вновь демонстрирует столь блистательный талант. Не найдется ли у господина Фу свободного времени, чтобы прийти к нам в Академию Гоцзыцзянь и прочесть лекцию? Мы бы всем сердцем желали поучиться вашим методам наставления и воспитания юных умов, дабы перенять этот опыт для блага учеников Академии Гоцзыцзянь.

Фу Вэй про себя подумал: «Да ведь я совершенно не учил Тан Шэня». Однако на его лице это никак не отразилось, он лишь мягко улыбнулся.

На государственной службе нужно быть толстокожим и черствым сердцем. И чем выше чин, тем толще кожа и темнее сердце. Во времена своего наивысшего могущества Фу Сижу занимал должность Правого канцлера в Центральном секретариате, сосредоточив в своих руках необъятную власть, так что в бесстыдстве ему было не отказать. Прищурившись, Фу Вэй с улыбкой произнес:

— Господин Линь слишком добр к нему. Неужели мой Тан Цзинцзэ натворил что-то?

Ректор Линь заранее велел переписать работу Тан Шэня и специально ждал сегодняшней аудиенции, чтобы показать ее Фу Вэю.

Фу Вэй взял листок и пробежал глазами. Восьмичленное сочинение багу действительно было

хорошим — даже в Академии Гоцзыцзянь, полной талантов, оно вполне заслуживало места в тройке лучших. Но когда он взглянул на экзаменационное стихотворение, брови его удивленно поползли вверх. Ректор Линь уже собирался что-то сказать, но Фу Вэй опередил его:

— Этот мой ученик вечно увлекается стихами да живописью. Увы, именно о подобном и говорят: поразить всех единым словом. Его сочинение багу все еще требует доработки, так что сообразовывайте, господин Линь, наставить его на верный путь.

— Что вы, помилуйте, это мой долг, — отозвался Ректор Линь.

Обменявшись дежурными чиновничьими любезностями, они закрыли эту тему.

Вернувшись в поместье Фу, он первым же делом прошел в кабинет и по памяти записал стихотворение Тан Шэня.

«И все-таки мой ученик скрывал свои таланты или же это было просто мгновенное озарение?» — подумал он.

Тем временем в лекционном зале Академии Гоцзыцзянь.

Обычно проверка работ после ежемесячных контрольных занимала у преподавателей три дня. Но не в этот раз. Они управились всего за одну ночь, чтобы полностью посвятить себя подготовке к посещению императором академии Пиюн, которое должно было состояться через полмесяца.

Студенты Академии Гоцзыцзянь никогда еще не ждали результатов контрольной с таким трепетом и волнением.

Рано утром седовласый преподаватель вошел в зал, прижимая к груди увесистый том «Лунь юй». Он положил книгу на кафедру и окинул взглядом сидящих перед ним учеников. В Зале Чжэнъи собралось более сорока человек, среди которых находились Тан Шэнь и Мэй Шэнцзэ. Пожилой наставник произнес:

— Мне известно, как сильно вы переживаете из-за результатов этой контрольной. Поэтому, прежде чем начать урок, я оглашу имена тех, кто попал в первый и второй списки успеваемости.

Среди студентов пронесся взволнованный шепот.

Первое посещение императором академии Пиюн за все двадцать шесть лет его правления! Кто бы не пожелал стать свидетелем столь великого события?

— Двадцать шестое место во втором разряде — Ци Цзянь, Ци Жушань.

— Это я! Это я!

— Второй разряд — Чжоу Гун из управы Ючжоу...

Всего во второй разряд вошли двадцать шесть человек. Из сорока с лишним учеников, сидевших в Зале Чжэнъи, этой чести удостоились лишь пятеро. Те, кто услышал свои имена, сияли от счастья, едва сдерживая восторг. Лица же остальных, кто не попал во второй разряд и понимал, что в первый им точно не пробиться, стали серыми как пепел. Они бледнели от досады, горько каясь в том, что не прилежнее учились прежде, и сокрушаясь об упущенной

редкой возможности.

Среди них лишь Мэй Шэнцзэ и Тан Шэнь все еще сохраняли надежду.

Обычно на каждой контрольной Тан Шэнь оказывался в первых рядах второго разряда. Его восьмичленные сочинения багу всегда были хороши, а к безупречному почерку гуаньгэти невозможно было придраться, подводили лишь экзаменационные стихи — им недоставало полета мысли, они казались суховатыми. Заметив, что Тан Шэня нет в списке второго разряда, Мэй Шэнцзэ невольно за него запереживал. Однако, скользнув взглядом по лицу друга и заметив на нем выражение твердой надежды, он с удивлением прошептал:

— Цзинцзэ, ты уверен в успехе?

Тан Шэнь скрывать не стал:

— Я выложился без остатка.

Мэй Шэнцзэ просиял:

— Отлично! Значит, мы вместе станем свидетелями посещения императором академии Пиюн!

В высший разряд на контрольной в Академии Гоцзыцзянь попадали всего шесть человек. Пожилой наставник продолжил:

— Третье место в высшем разряде — Мэй Шэнцзэ из Шаньси.

Мэй Шэнцзэ пришел в восторг, и соученики наперебой принялись поздравлять его.

Затем старый лектор снова произнес: «Первое место, высший разряд — Тан Шэнь и Тан Цзин из округа Гусу!»

Следом наставник огласил:

— Первое место в высшем разряде — Тан Шэнь, Тан Цзинцзэ из управы Гусу!

В лекционном зале поднялся невероятный шум.

<http://bllate.org/book/18292/1754503>